

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора	9
Карты	11
Предисловие	13
Пролог. ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА «СМИТ»	21
Глава 1. КОРНИ ТРАГЕДИИ	31
Глава 2. ВТОРЖЕНИЕ	61
Глава 3. ОТВЕТНЫЙ УДАР ЗАПАДА	
1. Вашингтон	73
2. Токио	84
3. Лондон	94
4. Сеул	102
Глава 4. ВОЙНА УОКЕРА	
1. Отступление к Нактонгану	108
2. Сомкнуть ряды	116
3. Пусанский периметр	125
Глава 5. ИНЧХОН	146
Глава 6. НА ГРАНИ. МАКАРТУР ПЕРЕСЕКАЕТ ПАРАЛЛЕЛЬ	166

Глава 7. ВМЕШАТЕЛЬСТВО КИТАЯ.....	183
Глава 8. ЧОСИН. ДОРОГА ОТ ВОДОХРАНИЛИЩА	208
Глава 9. ЗИМНИЙ КРИЗИС	
1. Большое бегство	231
2. Вашингтон и Токио	250
3. Появление Риджуэя.....	266
Глава 10. ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ. ОТСТАВКА МАКАРТУРА	270
Глава 11. СХВАТКА НА ИМДЖИНГАНЕ	290
Глава 12. ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ	
1. Патовая ситуация.....	315
2. Пханмунджом	318
3. Правое дело	323
Глава 13. ВОЙНА СПЕЦСЛУЖБ	337
Глава 14. ВОЙНА В ВОЗДУХЕ.....	350
Глава 15. ПЛЕННЫЕ.....	378
Глава 16. ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ. «СТОЯНИЕ НА ХОЛМАХ»	405
Глава 17. В ПОИСКАХ МИРА	
1. Коджедо	431
2. «Я отправлюсь в Корею».....	442
3. Последнее действие	450
Глава 18. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД	465
Приложение А	
Хронология	485
Приложение Б	
Предложения военной помощи Кореи от государств — членов ООН	492

Приложение В

Войска Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии на корейском театре военных действий	497
Библиография и примечание об источниках	504
Примечания	509
Благодарности	519
Предметно-именной-указатель	523

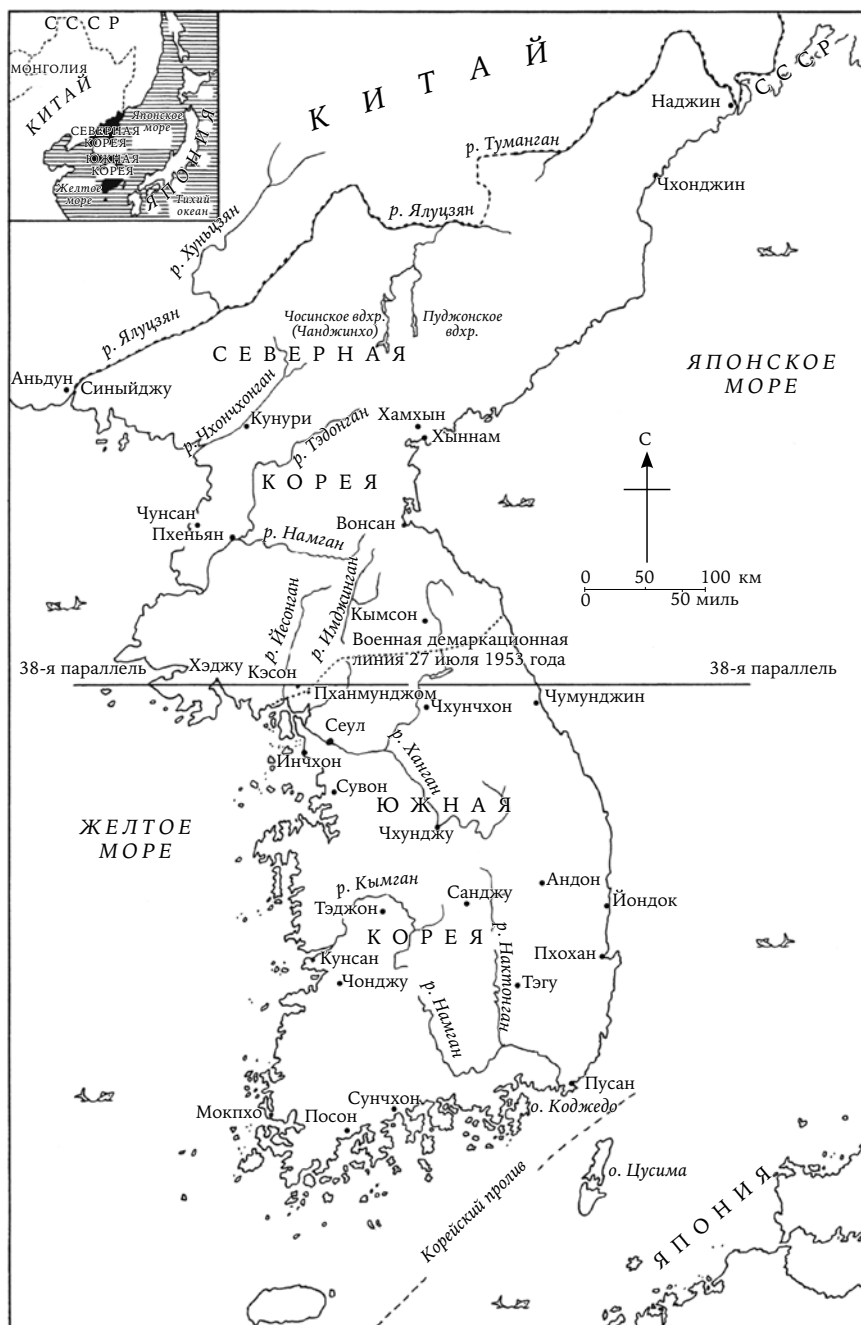
ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

ЗАМЕЧАНИЕ О ПЕРЕДАЧЕ КИТАЙСКИХ И КОРЕЙСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Передача корейских (и изредка) китайских имен собственных в российских изданиях до сих пор не стандартизирована: даже в академической среде встречаются разночтения (разные школы используют несколько отличные принципы передачи). Привычная по публицистическим и научно-популярным статьям манера передачи имени в три слога (Ким Ир Сен) сложилась исторически; она отторгает принятый в научной литературе более корректный способ передачи имен в два слова — фамилия (которая всегда идет первой, в отличие от англоязычной традиции начинать с имени) и имя: Ким Ирсен. Кроме того, эта традиция часто некорректно передает фонетику. Тем не менее здесь, следуя за автором, мы будем придерживаться устоявшегося способа передачи корейских имен в три слога (тем более что в авторской записи имена порой искажаются настолько, что восстановить оригинальное их звучание просто невозможно, особенно когда речь идет о простых людях): Ким Ир Сен, Хан Пхё Ук (и т. п.), тогда как китайские имена будут передаваться в два слова: Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай (и т. п.).

КАРТЫ

Корея	12
Вторжение в Южную Корею	71
От Инчхона до Сеула	160
Вмешательство Китая	185
Отступление от Чосинского водохранилища	210
Сражение на реке Имджинган	295

КОРЕЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корейская война 1950–1953 годов стала одним из переломных событий второй половины XX века. Соединенные Штаты оказались ближе, чем когда-либо за весь период холодной войны (если не считать Карибского кризиса 1962 года), к тому, чтобы нанести ядерный удар по Китаю. Встревоженные угрозой потерпеть поражение от китайских «добровольцев» и северокорейских войск, многие соратники президента Гарри Трумэна задавались вопросом, почему бы Штатам не использовать свое самое мощное оружие, чтобы сокрушить столь примитивного врага. Генерала Дугласа Макартура, главнокомандующего войсками ООН, пришлось в апреле 1951 года отправить в отставку: оторвавшийся в своей гордыне от реальности военачальник хотел отыгаться за свои неудачи на поле боя, сбросив на Китай атомную бомбу.

Сегодня события тех дней вспоминаются в мире как малая война, но для самих обитателей полуострова это было невиданное кровопролитие. Силам ООН — представленным в действительности американцами и немногими их друзьями — противостояние обошлось в 142 000 погибших. Сами Штаты потеряли за три года 36 574 человека — для сравнения: во Вьетнаме за десять лет погибло 58 220. Британские войска понесли в три раза больше потерь, чем на Фолклендских островах. В Южной Корее погибло миллион мирных жителей и 217 000 военных. Северная Корея заявила о 600 000 погибших гражданских и 406 000 военных. В китайских войсках потери составили 600 000 человек. Надежностью вся эта статистика не отличается, но на более точные данные потомкам вряд ли приходится рассчитывать. Общее число погибших сопоставимо с цифрами самой смертоносной азиатской войны следующего десятилетия во Вьетнаме.

Коммунистическое вторжение в Южную Корею в июне 1950 года повлекло за собой череду сражений, каждое из которых стало легендой. Первые американские войска, представленные оперативной группой

«Смит», были смяты и оттеснены бронированными частями коммунистов. После этого в Корею перебросили крупное западное подкрепление, включавшее наскоро сформированный британский контингент, за которым последовали символические силы из Франции, Бельгии и некоторых других стран — два австралийских и два канадских пехотных батальона. Затем была оборона Пусанского периметра; высадка в Инчхоне и злополучное наступление Макартура на Северную Корею; военное вмешательство Китая, вызвавшее сумбурное отступление западных сил; отчаянная битва у реки Имджинган в апреле 1951 года, в которой была разбита британская бригада, и последующие беспорядочные позиционные бои по всему полуострову. Каждое из перечисленных событий тянуло на полноценный эпос или роман ужасов, как и все пережитое западными военными в северокорейском плену. Сегодня ветеранов той войны откровенно раздражают и даже возмущают фильм и телесериал «МЭШ», якобы основанный на реалиях жизни, любви и смерти в американском военно-полевом госпитале. Эта комедия, пожалуй, единственное экранное окно, через которое современный зритель смотрит на Корею, воображая ее гораздо менее ледяной и суровой зимой, гораздо более знойной летом и неизменно более мрачной на протяжении всего года, чем ее помнят непосредственные участники событий.

Десятки интервью, взятых в 1984–1985 годах у ветеранов пяти разных национальностей, я вспоминаю как самые драгоценные эпизоды моей карьеры исследователя войны — настолько захватывающими были их истории. Многие из ветеранов сражались до того на полях Второй мировой. Они отмечали огромную разницу между участием в войне, в которой любой мужчина, женщина, ребенок на родине понимал, зачем приносить жертву во имя уничтожения нацизма, и участием в такой войне, когда начиная с 1950 года мало кто из граждан стран-участниц имел представление о том, почему их войска сражаются где-то на краю земли в какой-то дыре, о которой они почти ничего не слышали. Не было ни доблести, ни тем более славы в страданиях и лишениях солдат, большинство из которых составляли призывники.

На долгие годы после перемирия, подписанного в Пханмунджоме 27 июля 1953 года, все с облегчением забыли про Корею. Официальный мирный договор после перемирия подписан так и не был, поэтому вооруженные силы Севера и Юга по-прежнему противостоят друг другу на узкой линии прекращения огня, разделяющей полуостров, а непосредственно за фронтом южан дислоцируются войска США. Патовая ситуация вызывала негодование многих американцев, чья страна одержала

триумфальную победу во Второй мировой и вызывала зависть у остального мира своими экономическими успехами. В итоге воспоминания о ней они старательно погребли под вымученной признательностью за то, что перестала литься кровь.

В 1953 году обе Кореи, как Северная, так и Южная, принадлежали к числу беднейших стран мира и в обеих действовали соперничающие, но одинаково тиранические режимы власти. Однако за прошедшие семьдесят лет судьба Юга переменилась кардинально. Южная Корея сейчас — это не только здоровая и жизнеспособная демократия, но и одно из самых экономически развитых азиатских государств. Север же так и застрял в 1950-х. С 2011 года этой номинально коммунистической страной руководит внук и династический преемник вождя времен корейской войны — Ким Ир Сена. Угнетенный народ ведет полуголодное существование. Периодические двусторонние переговоры с Югом начинаются с обоюдным энтузиазмом, но потом неизменно проваливаются. И пусть напряженность в последнее время не достигает такого накала, как в 2010 году, когда Северная Корея потопила в сеульских водах корвет южнокорейских ВМС* и несколько месяцев спустя обстреляла контролируемый Южной Кореей прибрежный остров, взаимное недоверие и страх едва ли стали намного меньше по сравнению с 1953 годом.

Много лет такое положение вещей, похоже, мало волновало остальной мир. Но в XXI веке Корейский полуостров приобрел новое пугающее значение, превратившись в плацдарм предполагаемой эпохальной схватки Соединенных Штатов и Северной Кореи. Обретя ядерное оружие, Ким Чен Ын бесцеремонно завладел вниманием всего мира. Власть в собственной стране ему обеспечивает только политика конфронтации — угроза уничтожить Южную Корею и, если на то пошло, США. Учитывая, что Китаю совершенно не нужна объединенная ориентированная на Запад Корея на ее южной границе по реке Ялуцзян (кор. — Амноккан), добиться устойчивого мира вряд ли представляется возможным. Для Ким Чен Ына обладание оружием массового уничтожения — единственный надежный способ удержаться у руля. Маловероятно, что международные санкции поспособствуют падению тоталитарного режима, пока ему делает поблажки Китай и пока он зарабатывает на продаже оружия недобросовестным государствам. Не похоже, чтобы попытки президента Дональда Трампа договориться с Ким Чен Ыном на дипломатических встречах в верхах, перемежаемые прямым запугиванием

* КНДР официально отрицает свою причастность к гибели корвета «Чхонан». — *Прим. науч. ред.*

Пхеньяна, больше способствовали устранению угрозы со стороны этого недостойного, но чреватого немалыми катастрофами режима, чем усилия предыдущих президентов США. Суровая реальность все та же: если Ким Чен Ын откажется от ядерного вооружения, ему придется расстаться с властью, а следом, возможно, рухнет и режим. Гармоничным отношениям между двумя Кореями, не говоря уже о воссоединении, препятствуют успех и процветание Юга, резко контрастирующие с бедностью и упадком северной соседки.

Прискорбная актуальность темы придает истории корейской войны новое значение — что помогает объяснить, почему моя книга 1987 года пользуется популярностью более трех десятилетий спустя после ее первоначальной публикации. Тогда, много лет назад, меня как исследователя вооруженных конфликтов ее история привлекала потому, что корейская война в сравнении с вьетнамской и, разумеется, с двумя мировыми казалась непонятой и не вызывающей интереса у публики. Тогда у меня было несомненное преимущество: многие участники конфликта с обеих сторон Атлантики и в Южной Корее были еще живы и с ними можно было беседовать — включая таких выдающихся людей, как помощник госсекретаря США Дин Раск, посол Великобритании в Вашингтоне лорд Фрэнкс и посол Великобритании в ООН лорд Глэдвин. Северную Корею посетить я не мог, но благодаря связям в Пекинском институте стратегических исследований я одним из первых западных историков получил разрешение встретиться с китайскими ветеранами этой войны. И хотя их рассказы были насквозь пропитаны пропагандой, я все же получил ценное представление о том, какой виделась эта война мужчинам — и нескольким женщинам — с противоположной стороны.

Ни в Германии, ни в Японии нет музеев, прославляющих память о Второй мировой. В Пекине же я с очень неоднозначными чувствами смотрел в огромных залах Военного музея китайской революции на захваченные в Корее британские пулеметы «Брэн» и полковые нашивки, на американские пулеметы калибра .50 (12,7 мм), шлемы и обломки самолетов. В 1985 году там размещалась экспозиция, посвященная полностью вымышленной «бактериологической войне», которую якобы вела Америка против Северной Кореи в 1952 году. Утверждалось, что за тридцать два месяца участия Китая в конфликте потери армии США от рук китайских бойцов составили 1 090 000 человек. Это число, судя по всему, получилось за счет добавления нескольких тысяч к потерям, понесенным китайской армией, по утверждению вооруженных сил США. С точкой зрения Народно-освободительной армии Китая на ряд крупных

сражений корейской войны меня познакомили офицеры Командно-штабного училища Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

В Корее мне помогал в исследованиях тогдашний главнокомандующий войсками США в Сеуле генерал Пол Ливси, предоставивший мне все необходимое для работы и поделившийся собственными воспоминаниями о временах, когда он был командиром взвода. Бригадир Брайан Бердитт по истечении своего срока пребывания в должности британского военного атташе остался в Сеуле, чтобы поработать моим наставником и проводником на полях сражений, а также договориться об интервью с ветеранами корейской войны, включая командующего штабом армии Республики Корея в 1950 году.

К московским архивам того времени иностранным исследователям доступ тогда был закрыт. Некоторые западные ученые левого толка упорно продолжали возлагать ответственность за развязывание конфликта в июне 1950 года на Южную Корею — эту точку зрения продвигали и идеологи, написавшие сценарий для сериала, вышедшего в 1986 году на 4-м канале*. Я никогда не разделял их заблуждений, тем более что до июня 1950 года Штаты намеренно отказывались передавать Южной Корее танки и истребители, чтобы не допустить агрессивных шагов со стороны южнокорейского правительства, тогда как СССР все это Пхеньяну поставлял, подготавливая тем самым вторжение на Юг.

На мой собственный рассказ о событиях сильно повлияли оценки их современников, в частности сэра Дэвида Келли, который был послом Великобритании в Москве, когда началась эта война. Сегодня все новые свидетельства показывают, насколько точно оценивал положение Келли летом 1950 года. Открытые в Москве и Пекине досье показывают, что западные апологеты Ким Ир Сена не имеют никаких весомых аргументов: сейчас мы точно знаем, что северокорейский лидер начал войну с благословения Сталина.

Всплыли и другие подробности, подтверждающие справедливость моих тогдашних суждений об этой войне. Сталин полагал, что Западу не хватит воли сопротивляться и что его азиатские сателлиты добьются военной и политической победы без особого риска для Москвы или зависимого от нее государства. И когда акт неприкрытой агрессии вызвал решительный отпор со стороны Запада, Москву это потрясло и напугало. В последующие годы СССР отчаянно искал способ выйти из положения,

* Channel 4 — основной телеканал, по которому вещает Телевизионная корпорация 4-го канала. Создан 2 ноября 1982 года правительством Маргарет Тэтчер с целью создать культурную альтернативу BBC и ITV. — *Прим. ред.*

не теряя лица. Основную поддержку Ким Ир Сен получил от Китая при некоторой помощи оставшихся неизвестными советских летчиков-истребителей*. Мао Цзэдуном двигало не столько расположение к Ким Ир Сэну, сколько — главным образом — нежелание терпеть присутствие войск США на границе с Северной Кореей по реке Ялуцзян (Амноккан).

Эта книга не претендует на всеобъемлющий исторический охват. Скорее, как и другие мои работы, посвященные двум мировым войнам и вьетнамской, это портрет самого конфликта и его истоков, в котором основная роль отводится воспоминаниям и переживаниям непосредственных участников. Я, как британец, уделяю больше внимания вкладу своей страны, чем того заслуживает ее скромная лепта: от лица ООН в этой войне сражались преимущественно американцы. Но свидетельства британских военных способны поведать о боевых действиях в Корее ничуть не меньше, чем рассказы американских, канадских и австралийских товарищей по оружию, с которыми они вместе бились в этих бесплодных горах.

Корейская война сильно повлияла на отношение американцев к вьетнамской войне десятилетием позже — не в последнюю очередь потому, что подкрепила убеждение Вашингтона: в региональной войне необходимо достичь приемлемого компромисса, чтобы сдержать коммунистическую экспансию, и не обязательно при этом добиваться сокрушительной победы на поле боя. Многие кадровые офицеры участвовали в обоих военных конфликтах, в том числе такая колоритная знаменитость, как американский полковник Фред Лэдд, в потрясающих беседах с которым я провел не один час. Его воспоминания о службе в штабе Макартура в 1950-х — бесценный штрих в моей картине событий. Бригадный генерал Эд Симмонс, занимавший в 1970-х пост директора Музея корпуса морской пехоты США, был ветераном Чосинской кампании — и необычайно строгим критиком операций США в Корее. Во время моих интервью по обеим сторонам Атлантики меня поразило, как часто у ветеранов путаются воспоминания: то и дело они, оговариваясь, произносили «во Вьетнаме», имея в виду «в Корее». Впрочем, было разительное отличие, которое с горечью подчеркнул один выдающийся американский генерал: «Мы вошли в Корею с паршивой армией, а вышли с приличной. Во Вьетнам мы вошли с приличной армией, а вышли с никудышной».

* Имена многих из них известны уже довольно давно. См., например: Сейдов И. А. Советские асы корейской войны. — Москва: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2010. — *Прим. науч. ред.*

Многие составляющие индокитайской трагедии дали о себе знать еще в Корее: незавидное политическое положение, в котором оказались западные демократические страны, поддерживая своим участием в войне местный непопулярный, жестокий авторитарный режим; трудности создания дееспособной армии в коррумпированном азиатском обществе; последствия недооценки тактического мастерства и презрения к смерти у идеологизированных сельских жителей. Несмотря на несомненные плюсы превосходства в воздухе и непосредственной авиационной поддержки, преимущества воздушных сил в войне с экономически неразвитым противником, не связанным с дорогами, с точки зрения стратегии оказались несущественными. Кроме того, американцам и их союзникам было трудно, сражаясь в гористой местности, задействовать в полную силу механизированные войска, сформированные для европейских кампаний.

Смерть Сталина в марте 1953 года устранила одно из главных препятствий к прекращению корейской войны. Кроме того, западным силам удалось стабилизировать фронт так, чтобы у Штатов появилась возможность воспользоваться своей огневой мощью с завоеванных позиций и отразить массированный удар коммунистических сил. В результате у некоторых американских военных и стратегов сложилось неоправданное самомнение: они забыли, что, в отличие от Кореи, где географические особенности позволяли оборонять короткую линию фронта, проходившую по самому узкому месту полуострова, в Южном Вьетнаме открытые границы тянутся на две тысячи миль. Коммунисты же много узнали в Корее о пределах терпения демократических стран и о том, как тяжело властям этих стран поддерживать у избирателей готовность участвовать в войнах в далеких землях, не имеющих к ним, на их взгляд, никакого отношения.

И все-таки в вопросе корейской войны я остаюсь ревизионистом. Многие — и те, кто сражался, и самые разные люди — десятилетиями считали ее напрасной, а цену в почти три миллиона жизней — заплаченной ни за что. Но мне кажется, что свобода и процветание сегодняшней Южной Кореи и пятидесяти двух миллионов населяющих ее человек оправдывают борьбу Запада за то, чтобы сохранять ее статус, — особенно когда мы видим, что двадцать шесть миллионов северокорейцев прозябают в нищете, на которую их обрекли коммунистические власти страны и их китайские защитники. При всей моей критике перегибов со стороны Макартура, необдуманного, неуклюжего поведения Запада в отношении Китая почти на всем протяжении XX века и недостатков

президента Южной Кореи Ли Сын Мана, я по-прежнему убежден в том, что военное вмешательство Запада в июне 1950 года с целью противостоять неприкрытой агрессии было правильным шагом. Все американцы и британцы, приезжающие в Южную Корею после 1953 года, видят воочию, как благодарны до сих пор жители этой страны силам ООН, спасшим их тогда от необходимости покориться Ким Ир Сену и его преемникам.

Готовя переиздание книги, я устоял перед соблазном исправлять и перерабатывать текст 1987 года с учетом открывшихся в последнее время свидетельств, не последнее место среди которых занимает написанная генералом сэром Энтони Фарраром-Хокли официальная британская история корейской войны, вышедшая в 1990 году. Стоит только начать править и дополнять, и конца этому не будет. Лучше, на мой взгляд, убедиться, что моя версия событий не утратила достоверности в самом существенном — прежде всего, благодаря свидетельствам из первых рук — от множества непосредственных участников. Исправлять ошибки, которые неизбежно обнаруживаются в свете обновленной статистики и рассекреченных материалов за прошедшие три десятилетия, — задача нового поколения историков. Те, кто берется за эту тему сейчас, вольны рецензировать и оспаривать мои суждения, как сочтут нужным. Я же по-прежнему горжусь тем, что одним из первых в своем поколении писателей пролил свет на захватывающую историю корейской войны.

*Макс Хейстингс
Чилтон Фолиат,
Западный Беркшир.
Январь 2020 года*

ПРОЛОГ

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА «СМИТ»

Ранним утром 5 июля 1950 года 403 растерянных, промокших, дезориентированных американца сидели в своих наспех вырытых окопах на трех корейских холмах и смотрели вниз — на автостраду, связывающую Сувон и Осан. Бойцы 1-го батальона 21-го пехотного полка были в Корее всего четыре дня — после переброски на больших транспортниках С-54 с японской авиабазы Итадзуке на южный аэродром Пусана. С этого момента они рывками продвигались на север — на поезде и на грузовиках, ночуя в подсобках и в школах, в окружении толп беженцев, заполонивших дороги и станции. Некоторые из них заболели из-за местной воды. Лейтенант Фокс выбыл из строя еще до того, как американцы услышали первый выстрел противника: в поезде ему в глаз попала вылетевшая из топки зола. Всех без исключения ели поедом комары. Они узнали, что Корея воняет — в самом буквальном смысле — человеческим дерьмом, которым крестьяне удобряли рисовые поля. Они наблюдали за сердечными придорожными встречами своих офицеров и немногочисленных генералов, разбросанных по стране. Командовавший 24-й дивизией генерал Уильям Дин сказал командиру 1-го батальона 21-го полка подполковнику Чарльзу (Брэду) Смиту: «Простите, мне почти нечего вам сообщить».

Они знали, что 25 июня коммунистическая Северная Корея вторглась в антикоммунистическую Южную и с тех пор ломится на юг, никого не щадя и почти не встречая сопротивления со стороны разбитой армии Ли Сын Мана. Бойцам оперативной группы предстояло занять оборонительные позиции где-то на пути противника — как можно дальше к северу, однако после долгих лет службы в оккупационных войсках в Японии они даже помыслить не могли о настоящих

сражениях, ранениях и возможной внезапной гибели. Батальон, как и остальные подразделения оккупационных войск в Японии, был катастрофически недоукомплектован и плохо вооружен. Роты А и D вместе со многими вспомогательными подразделениями все еще переправлялись из Японии в Пусан морем. Вечером 4 июля батальону было приказано занять отсечную позицию у дороги на Сувон, примерно в пятидесяти милях к югу от столицы, Сеула, уже занятого коммунистами. В гористой местности все дороги, пригодные для перемещения современной армии, можно пересчитать по пальцам, поэтому было очевидно, что продвигающийся на юг противник нацелится на Осан. Этому противнику и должен был дать отпор первый батальон 21-го полка — первое из подразделений армии США, доступное для немедленной переброски в Корею и введения в бой. «Они выглядели как отряд бойскаутов, — сказал полковник Джордж Мастерс, один из тех, кто видел батальон во время переброски на фронт. — Я разъяснил Брэду Смиту: “Против вас будут закаленные в боях солдаты”. Ответить ему на это было нечего»¹.

Как большинство солдат в большинстве войн, они продвигались к позициям в темноте, под мелким морсящим дождем. Часть южнокорейских водителей реквизированных грузовиков наотрез отказалась ехать дальше к полю боя, поэтому американцам пришлось сесть за руль самим. Батальон выгрузился позади холмов, на которых полковник Смит наскоро провел рекогносцировку, и взвод за взводом начал карабкаться вверх по каменистому, поросшему кустарником склону под приглушенные ругательства и бряцание оружия. Офицеры были в таком же замешательстве, как и рядовые, поскольку им сказали, что предстоит встреча с южнокорейским армейским подразделением, вместе с которым они должны закрепиться на позиции. В действительности на холме никого не оказалось. Ротные как могли рассредоточили бойцов и приказали окапываться. Американцы сразу же обнаружили, как тяжело выгрызть укрытия в непробиваемых корейских холмах. Несколько часов, неуклюже ворочаясь в своих плащ-палатках под дождем, они скреблись среди скал. Внизу на дороге связисты прокладывали телефонный кабель на тысячу метров в сторону тыла — к единственной батарее поддерживающих 105-миллиметровых гаубиц. Грузовики с боеприпасами громоздились у обочины: никто даже не заикнулся о том, чтобы тащить их в темноте на холм к позициям роты. Окопавшись, большинство американцев над дорогой на час-другой улеглись в облепившей тело насквозь

промокнутой одежде рядом с оружием и выкладкой и провалились в беспокойный сон.

Когда через несколько часов забрезжил рассвет, бойцы оперативной группы «Смит» (это громкое название маленькому подразделению дали в штабе в Токио), моргая и бестолково перетаптываясь спросонок, попытались оглядеть окрестности с занятых позиций. Они находились чуть южнее сувонского аэродрома, в трех милях к северу от городка под названием Осан. Мало-помалу глаза начали выхватывать из общей массы знакомые лица: вот сам Смит по прозвищу Брэд, худошавый тридцатичетырехлетний выпускник Вест-Пойнта, во время Второй мировой воевавший на Тихом океане, а вот помощник командира Мамочка Мартайн — требует слегка перекрыть позиции, занятые в темноте. Майор Флойд Мартайн, родом из Нью-Йорка, с 1926 года служил в национальной гвардии, потом в 1940 году его призвали на действительную службу — войну он провел на Аляске. Злопыхатели считали Мартайна чем-то вроде суетливой старухи, отсюда и прозвище. Но он действительно заботился о своих бойцах, и многие по-настоящему его за это любили. Капрал Эзра Берк был сыном рабочего лесопилки из Миссисипи — после призыва он успел поучаствовать в боях под самый занавес тихоокеанской кампании, а потом остался в Японии — вкушать хмельную радость оккупационной службы. Кроме Берка в подразделении было еще много южан — парней, которым в родных городках конца сороковых не светили ни такие выплаты, ни такая сладкая жизнь, как в оккупационных частях армии Макарута. Теперь капрал Берк, будучи санитаром, раскладывал полевые медицинские комплекты в ложине за позициями батальона. Они рассчитывали провести неделю в Корее, разобраться с гуками*, а затем вернуться в Японию. Теперь, на пятый день, уверенности в отношении расписания у них поубавилось.

Лейтенант Карл Бернارد, двадцатичетырехлетний техасец, во время Второй мировой служил по контракту в морской пехоте. Быстро заскучав на гражданке после окончания войны, он завербовался в 82-ю воздушно-десантную дивизию и в 1949 году был назначен в 24-ю. Когда разразился Корейский кризис, Бернارد, как один из немногих в этой дивизии, прошедших воздушно-десантную подготовку, провел несколько дней на японском аэродроме, надзирая за погрузкой транспорта. Теперь его поставили командовать 2-м взводом роты В, в которой он не знал пока никого, поскольку в батальон прибыл всего два часа назад.

* Гук (gook) — разговорное слово, означающее «болван», «деревенщина», было в ходу у американских солдат, воевавших в Корее и Вьетнаме. — *Прим. ред.*

Капрал Роберт Фаунтин из взвода связи наблюдал, как полковник Смит рассматривает в бинокль столбы черного дыма на горизонте, накинув на плечи армейское одеяло. Ни дать ни взять индейский вождь, подумал Фаунтин. Самого же Фаунтина — девятнадцатилетнего парня с фермы в Мейконе (Джорджия) — больше всего беспокоило, выдержат ли телефонные провода: мотанные-перемотанные, их столько раз тянули и наращивали на маневрах в Японии. Теперь же они стали главным средством связи для батальона: большинство радиопередатчиков под дождем вышло из строя. О событиях предшествующих дней Фаунтин уже не знал, что и думать. Он пошел в армию в шестнадцать: родители в разводе, работу дома не найдешь, он просто не видел, куда еще податься. Сражения его, в общем-то, не прельщали. На самолете он, как и многие другие бойцы, первый раз в жизни полетел во время переброски в Корею. За проведенные здесь несколько дней их обстреляли с налетевших, как они были уверены, северокорейских Яков, но потом выяснилось, что с австралийских «Мустангов». На их глазах взорвался поезд с боеприпасами, на их глазах южнокорейский офицер без всяких объяснений поставил одного из своих бойцов на колени и убил выстрелом в затылок. Якобы идущие на них танки противника оказались дружественными гусеничными тракторами. Из Японии Фаунтин с однополчанами улетали уверенные, что это дней на пять: «Да гуки только услышат, кто мы, тут же побросают оружие и разбегутся по домам». Всю одежду, вещи, деньги они оставили в казарме. Однако за эти дни шапкозакидательские речи поутихли. Фаунтин съел банку холодного сухпайка и спросил, не осталось ли у кого воды во фляге. Он промок, продрог и ничего не понимал.

В семь утра с небольшим сержант Лорен Чеймберс из роты В позвал командира своего взвода: «Лейтенант, посмотрите! Очуметь, а?» По открытой равнине со стороны Сувона на них двигалась колонна из восьми танков темно-зеленого цвета. «Что это?» — спросил лейтенант Дэй. «Это Т-34, сэр, — ответил сержант. — И вряд ли они ползут к нам с миром». Сонную одурь у бойцов как рукой сняло — возбужденно тараторя, они впервые смотрели на противника. Офицеры поспешили вперед — убедиться, что угроза не мнимая. Капитан Дэшнер, командующий ротой В, сказал: «Давайте ударим по ним артиллерией»². Передовой артиллерийский наблюдатель 58-го дивизиона полевой артиллерии включил шлемофон. Через несколько минут на рисовые поля начали сыпаться снаряды, но танки продолжали наступать. Бронебойность у орудий 58-го дивизиона была ничтожная.

Лейтенант Филипп Дэй с одним из двух имевшихся в батальоне расчетов 75-миллиметровых безоткатных орудий вытащили свою неповоротливую махину на позицию над дорогой и выстрелили. По неопытности они разместились на переднем скате. Снаряд не нанес врагу видимого урона, зато зверская отдача, сотрясшая холм, взметнула фонтан грязи, которая погребла под собой расчет и залепила орудие. Пришлось срочно разбирать и чистить.

Тем временем на дороге лейтенант Олли Коннорс сжимал ручную 2,36-дюймовую базуку — один из главных видов противотанкового оружия, которым располагало подразделение. Серьезный изъян гранаты этого калибра — неспособность пробить основную броню большинства танков — был хорошо известен еще в 1945 году. Тем не менее появившиеся за прошедшие пять лет усовершенствованные более мощные 3,5-дюймовые базуки в дальневосточную армию Макарута не поставлялись. Когда первый Т-34 прогрохотал к узкому проему между американскими позициями, Коннорс вскинул базуку и выстрелил. Корпус танка осветился всполохом взрыва. Но Т-34, наверное самому выдающемуся танку Второй мировой, не утратившему еще своей грозной мощи, этот взрыв был как слону дробина. Он с ревом промчался через проем и понесся по дороге к артиллерийскому рубежу американцев. За ним потянулись другие. Коннорс, проявляя необычайную отвагу, стрелял по ним снова и снова — с близкого расстояния, всего выпустив двадцать две гранаты. Один танк остановился — кажется, у него сорвало гусеницу, — но отстреливался он по-прежнему исправно: и из пушки, и из спаренного с ней пулемета. Остальные скрылись из глаз, громыхая по направлению к Осану, а через несколько минут показался идущий за ними следом еще один бронированный взвод. У единственной 105-миллиметровой гаубицы американцев имелось несколько бронебойных боеприпасов, одним из которых удалось наконец подбить очередной громыхающий мимо Т-34 — он остановился и загорелся. Выскочивший из башни танкист выстрелил на бегу из автомата. Этой первой очередью, которую успел сделать коммунист, прежде чем подбили его самого, он оказал одному из артиллеристов сомнительную честь стать первым американским солдатом, погибшим в Корее в результате действий противника. Безоткатное орудие лейтенанта Дэя снова начало стрелять, но вспышка делала его легкой мишенью. Удар 85-миллиметрового танкового снаряда заставил его замолчать: Дэя контузило взрывом, из ушей хлынула кровь. В промежутке с 7 до 9:30 утра через «отсечную позицию» оперативной группы «Смит» прокатилось около тридцати северокорейских танков,

убив или ранив снарядами и пулеметным огнем около двадцати защитников. Придумать, как их остановить, американцы не могли.

Около одиннадцати утра на дороге показалась идущая с севера длинная колонна грузовиков с еще тремя танками во главе. Они встали бампер к бамперу, и из них хлынула пехота, мгновенно рассыпавшаяся по стелющимся на запад и восток от дороги рисовым полям. Некоторые гимнастерки горчичного цвета начали двигаться в сторону американских позиций под беспорядочным огнем минометов и стрелкового оружия. Другие терпеливо подбирались к флангам. Поскольку линия фронта у оперативной группы «Смит» составляла всего триста пятьдесят метров и больше никаких пехотных подразделений на многие километры от этой линии у американцев не было, исход этого боя стал очевиден и предreshен моментально. С каждым часом со стороны коммунистов нарастал огонь, а на стороне американцев росли потери. Полковник Смит вызвал офицеров роты С, дислоцировавшейся к западу от дороги, на командный пункт и приказал сосредоточить все силы на круглом плацдарме с восточной стороны. Около ста пятидесяти бойцов роты «Чарли» повзводно покинули позиции, прошли колонной по одному к дороге, вскарабкались, продираясь сквозь кустарник, на склон с противоположной стороны и принялись как могли рыть стрелковые ячейки и оборудовать огневые позиции.

Выбор у Смита был незавидный. Его подразделению мало что удавалось там, где оно стояло. Но если принять решение немедленно оставить позиции, погрузить бойцов в уцелевшие грузовики и двинуться на юг, то рано или поздно колонна наткнется на укатившие туда танки коммунистов. Так что со своими немногочисленными силами Смит ничего не добьется, если покинет высоту и пойдет в контрнаступление на вражескую пехоту. Однако оставаясь на месте, он не дожидется ни подкрепления, ни передышки. Положение сложилось парадоксальное. На дворе 1950 год, Америку с ее буйным экономическим ростом, атомной бомбой и наследием победы во Второй мировой воспринимают как величайшую державу мира, превосходящую могуществом Римскую империю на пике расцвета или Британскую империю образца предшествующего столетия. И тем не менее сейчас на корейских холмах первыми представителями военной мощи Соединенных Штатов, призванными дать отпор коммунистической агрессии, оказались бойцы недоукомплектованного пехотного батальона, который вот-вот должны были стереть с лица земли. Все В-29 на авиабазах США, все американские дивизии в Европе, все флотилии ВМС США от Тайваньского пролива до Средиземного моря ничем

не могли помочь бьющейся в одиночку оперативной группе «Смит». Для командования в Токио и Вашингтоне, полагавшего, что одного присутствия этого символа американской мощи хватит, чтобы обратить северокорейцев в бегство, удар оказался сокрушительным. В дальнейшем допросы северокорейских офицеров показали, что столкновение их 4-й дивизии с оперативной группой «Смит» позволило им составить первое впечатление об американской интервенции, которая стала для них неожиданностью. Между тем непосредственных участников столкновения на дороге Осан — Сувон политические последствия не волновали. Коммунисты пустили в ход минометы, и довольно успешно. У американцев заканчивались боеприпасы к стрелковому оружию, пока бойцы из последних сил карабкались по скользким тропкам, протоптанным в грязи, волоча к передовым позициям ящики и стальные коробки. Ниже по склону между валунами неумолимо ширились ряды раненых, вокруг которых суеились медики, но без крови для переливания они мало что могли сделать. Капитан Ричард Дэшнер, ветеран Второй мировой, техасец, командовавший ротой С, бросил майору Мартайну: «Нужно валить отсюда!» Командующий штабной ротой лейтенант Бертхофф согласился. Сначала Смит заявил, что немедленного отступления не будет. Но усилившийся огонь по флангам заставил его передумать. «Кажется, иначе никак», — сказал он офицерам. «Возможно, я буду сожалеть об этом решении до конца своих дней», — добавил он горестно. Первой предстояло сняться роте С. Через считанные минуты ее бойцы уже катились с тыльной стороны позиций на лежащие внизу рисовые поля, спотыкаясь и на чем свет стоит кляня воню и вражеский огонь. О том, чтобы уходить по дороге, не могло быть и речи — ее поливали пулеметным огнем покуда хватало глаз. Оставалось только пробираться по полям, балансируя между канавами, а потом драпать проселочными дорогами до встречи с дружественными войсками.

Вот тогда, во время отступления, вылезли наружу все слабые места оперативной группы «Смит» как боевого формирования. Нет военного маневра более показательного, чем отход в боевой обстановке. Американские солдаты изнежились за годы пренебрежения вооруженными силами со стороны государства и недостаточной подготовки, растерялись на поле боя и пришли в ужас от изоляции, в которой оказались. Увидев спускающихся по склону бойцов, остальные поспешили за ними, боясь, что их бросят. «Каждый спасался как мог, — говорит лейтенант Дэй. — По мере того как мы оставляли позиции, потери росли. <...> Куда ни взгляни, все падали один за другим. Вокруг рвались минометные

мины. Одному из парней жახнуло прямо в живот. К нему кинулся мой взводный сержант Харви Ванн. Я поспешил за ним. “Нет, этот точно не жилец, лейтенант”. Боже, как он выл и стонал, этот парень! А я ничего не мог сделать, только погладить по голове и сказать: “Держись!” Другому взводному сержанту заехало по горлу, он начал кашлять кровью. Я думал, точно крышка... <...> Остаток дня он зажимал себе порванное горло обеими руками. Но выжил, тоже выжил³. Отступая, американцы бросали оружие и технику, некоторые скидывали даже шлемы, ботинки, личное оружие. О взаимодействии быстро забыли. Путь отступления усеивали следы поспешного беспорядочного бегства. Поодиночке, по двое, группками американцы пробирались на юг по полям.

В роте С, покинувшей позиции первой, со сплоченностью оказалось получше, чем в роте В. Спустя два дня изнурительного марша капитан Дэшнер добрался до Тэдждона, сохранив под командованием больше половины своих людей. Флloyd Мартайн с подручными на батальонном командном пункте попытались сжечь конфиденциальные бумаги, однако документы отсырели и не загорались. Тогда они выкопали яму, зарыли их в ней и пошли вдоль железнодорожных путей на юг. Через несколько часов крошечный отряд Мартайна увидел грузовики и кинулся в укрытие. Но грузовики, к неимоверному облегчению отряда, оказались американскими — они везли артиллеристов (которые даже не попытались вытащить орудия с позиций и предпочли их взорвать, к ярости некоторых офицеров) и самого полковника Смита. Дальше они всю ночь играли в изматывающие смертельные прятки с вражескими танками, пока не доехали до позиций 34-го пехотного полка в Ансоне. Капрал Роберт Фаунтин приказа отступить не слышал — он просто увидел хлынувший вниз поток бойцов, крикнул: «Что происходит?» — и, услышав в ответ: «Отступаем!» — присоединился к ним. Он пробрался мимо американца, который сидел, опираясь спиной на земляной вал, — мертвого и уже коченеющего. А потом вдруг столкнулся лицом к лицу с двумя выскочившими из подбитого танка северокорейцами. Одного застрелил идущий за ним следом, сам Фаунтин застрелил другого, бросившегося к дому. После этого Фаунтин долго плюхал по заливным полям под пулеметным огнем с оставленных батальоном позиций. В лесу ему повстречалась группа из шестнадцати соотечественников. Он достал нож и срезал верхушки армейских ботинок, чтобы вылить из них воду. Два сержанта построили образовавшийся отряд, и все пустились в путь снова, пытаясь вместе тащить раненых. Один из бойцов, американец японского происхождения, был ранен в живот — его в итоге оставили

умирать в брошенной деревне, до которой они доковыляли. Фаунтин нашел турнепс и сгрыз его сырым. И еще много часов они шли в темноте за отрядом южнокорейских солдат, на который наткнулись. Немного поспать удалось на корейском командном пункте в здании школы. А потом кто-то крикнул: «Танки!» Американцы набились в грузовик, проехали несколько миль, грузовик угодил в кювет и там застрял. Пришлось снова топать пешком, пока наконец они не очутились на позициях 34-го пехотного.

Лейтенант Карл Бернارد все еще находился на холме со своим взводом роты В, когда огонь по противнику с остальных американских позиций начал ощутимо слабеть. Лейтенант послал связного узнать, в чем дело. Тот вернулся через несколько минут изрядно ошарашенный и доложил: «Они все ушли!» От командования и управления к этому этапу боя осталось одно название. Бернارد, у которого лицо и руки были ранены гранатными осколками, поспешил тоже ретироваться со своими людьми по примеру остальных. У подножия холма они обнаружили санитаров, которые все еще возились с многочисленными ранеными. Всех, кто хоть как-то мог передвигаться, взвод Бернарда забрал с собой, а прочих оставили, обрекая на плен. Лейтенант поделил уцелевших бойцов своего взвода на два отряда — один он отправил с рядовым, который прежде проводил разведку, а второй повел сам. Компаса у него не было, но в брошенной школе он нашел ученический атлас и, выдрав оттуда страницу с Кореей, использовал ее для навигации. В следующие несколько часов его отряд не раз наталкивался на вражеские танки. Чтобы везти раненого сержанта, Бернارد выменял у одного старого корейца тачку, отдав золотые часы «Лонжин», которые выиграл в покер на корабле, когда плыл из Сан-Франциско в Японию.

Эзра Берк спустился с холма с четырьмя медиками из своей бригады, двумя лежачими ранеными на носилках и одним ходячим. Продвигались они, учитывая раненых, медленно и трудно, постоянно останавливаясь и оглядываясь в надежде, что от преследователей все же удалось оторваться. Но до самого вечера они видели только колонны северокорейцев, следующих за ними по пятам, словно тень. В конце концов они решили разделиться. Берк с двумя другими медиками направился на юго-запад. Они промокли насквозь, выбились из сил и, самое главное, отчаянно хотели воссоединиться со своим подразделением и офицерами — да хоть с кем-нибудь, кто объяснил бы им, куда двигаться и что делать. До рассвета они жались друг к другу в темноте, а с первыми лучами солнца зашагали снова. На холме над Пхёнтхэком они встретили

лейтенанта Бернарда с его отрядом из семи человек и дальше пробирались на юг вместе. Днем в основном прятались, передвигались по ночам. Окончательно оголодав, они отважились прокрасться в деревню и выменять на вещи несколько картофеля у местной жительницы. Там им попалось двое корейских солдат, и американцы пристроились было идти с ними, но заговоривший с этими двумя южнокорейский лейтенант сразу распознал в них коммунистов. Парочка пустилась бежать через рисовое поле — Берк выстрелил им вслед из карабина и промахнулся. Однако до леса они добежать не успели: Бернард уложил их выстрелами из браунинга.

До американских позиций они добрались 10 июля, через пять дней после сражения в Осане — изможденные, с безобразно опухшими ногами. На следующий день у Берка случилась почечная колика, и его эвакуировали самолетом из Тэджона в Осаку. Карл Бернард провел несколько мучительных часов в полевом госпитале, где ему извлекли из рук и лица осколки гранаты. После этого он целый день проспал беспробудным сном человека, выжатого до капли.

Примерно так же целую неделю после того боя в Осане просачивалась к своим основная часть оперативной группы «Смит». На переключке насчитали 185 бойцов. Кто-то добирался с приключениями эпического размаха, например сержант Уильям Смит, который приплыл на рыбацкой лодке лишь две недели спустя. Лейтенант Коннорс, расстрелявший из базуки танки, получил «Серебряную звезду» за храбрость. По официальным данным, оперативная группа «Смит» потеряла в битве за Осан 155 человек. К моменту возвращения они обнаружили, что все промахи, которые они допустили 5 июля, меркнут перед откровенным позором, который пришлось пережить другим подразделениям 24-й дивизии в первые дни войны, когда северокорейские захватчики сметали все на своем пути в кровавом марше на юг. И все это из-за внезапного решения Соединенных Штатов ввязаться в самую неожиданную войну в самом непредсказуемом месте и в самой неблагоприятной для этого обстановке. Знали бы бойцы оперативной группы «Смит» на той дороге к югу от Сувона 5 июля, что наносят первый вооруженный удар от лица новой мировой силы — Организации Объединенных Наций, возможно, этот нелепый, сумбурный, почти жалкий бой показался бы им более доблестным. А может быть, наоборот, еще более непостижимым.